

“ИМПЕРИЯ”: 2 ГЛАВЫ...

Перепрыгивая через лужи	5
Западня	9
<i>Приложение:</i> “Я был заложником своего путешествия...”	29

*Пер. с польского – Сергея Ларина при участии И. Киселевой (Приложение)
по изданию: Ryszard Kapuściński. Imperium (1992)
© by the Estate of Ryszard Kapuściński.*

*For presentational & educational purposes only
(серия letterra.org: 020)*

ПЕРЕПРЫГИВАЯ ЧЕРЕЗ ЛУЖИ

(Якутск)

- Тебя как зовут?
- Таня.
- Сколько тебе лет?
- Через два месяца будет десять.
- Что ты делаешь?
- Сейчас? Играю.
- А как ты играешь?
- Перепрыгиваю через лужи.
- А под машину попасть не боишься?
- Да тут никакая машина не проедет!

Таня права. Со вчерашнего дня мороз отпустил, в полдень температура поднялась до двух градусов тепла, и весь город начал превращаться в болото. Город Якутск – истинный сибирский Кувейт, столица богатейшей, лежащей на золоте и алмазах республики. Половина всех этих алмазно-бриллиантовых чудес, которыми украшают себя дамы на целом свете и которые можно увидеть на витринах ювелирных магазинов Нью-Йорка, Парижа и Амстердама, родом именно из Якутии (не говоря уже об алмазах, которые используют для геологического бурения и резки металлов).

Таня очень бледненькая. Зимой здесь постоянно темно, и солнце, даже если выглядывает, не греет – светит ярко, слепит глаза, но далекое и холодное. На девочке коротковатое пальто в крупную зелено-коричневую клетку. Ничего не поделаешь, нельзя же каждый год покупать новое. Маме неоткуда взять деньги. И даже будь у нее столько денег – Таня мечтательно улыбается, – кто станет стоять в очередях и ждать, пока в Якутск привезут пальто для десятилетних девочек? Вдобавок таких худеньких и высоких.

Таня все это понимает и рассуждает очень по-взрослому.

То же самое с этим перепрыгиванием луж. Прыгнуть надо так ловко, чтобы не попасть в воду и не промочить сапожки, потому что других на смену нет.

– Верно, – соглашаюсь я, – к тому же можно простудиться.

– Простудиться? – удивляется девочка. – Сейчас, когда уже тает лед и становится тепло? Ты, наверно, не знаешь, что такое настоящий холод.

И маленькая сибирячка явно свысока, хотя старается этого не показывать, смотрит на взрослого человека, который, похоже, понятия не имеет, что такое настоящий лютый мороз.

Лютый мороз, объясняет она мне, узнаешь по тому, что в воздухе висит светлый поблескивающий туман. Когда человек идет, туман вокруг него расступается – получается вроде как коридор в форме фигуры этого человека. Идешь дальше, а коридор остается. Крупный мужчина пробивает большой коридор, а ребенок – маленький коридорчик. Танин коридор узкий, потому что она худенькая, но высокий: для своих лет Таня очень высокая, выше всех в классе. Утром Таня по размеру этих коридоров определяет, пошли ли уже ее подружки в школу – все знают, как выглядят коридоры их друзей и соседей.

А вот широкий низкий коридор с четкими очертаниями означает, что в школу уже пошла директор Клавдия Матвеевна.

Если утром нет никаких коридоров, по высоте соответствующих росту школьников, значит мороз такой сильный, что уроки отменили и дети сидят дома.

Иногда можно увидеть очень неровный, внезапно обрывающийся коридор. Стало быть, – Таня понижает голос, – тут прошел кто-то пьяный, споткнулся и упал. В сильные морозы пьяницы часто замерзают. Тогда коридор похож на тупик.

Я несколько не жалею, что приехал в Якутск – ведь здесь я встретил эту замечательную умную девочку, притом встретил случайно, когда бродил по улицам района под названием Заложный. Просто Таня была единственным живым существом, которое я увидел в пустом пейзаже этого района (был полдень, люди в эту пору на работе), а поскольку я заблудился, то подошел к ней спросить, как попасть на улицу Крупской, где у меня была назначена встреча.

– Я тебя провожу, – охотно предложила Таня, – сам ты не найдешь. – На деле это означало, что я должен включиться в ее игру: дойти до улицы Крупской можно, только перепрыгивая через лужи.

Вот какой он, этот Заложный район:

прямые широкие улицы. Ни асфальта, ни брусчатки. Любая улица – длинный плоский вязкий архипелаг луж и болотец. Нет тротуаров, нет даже проложенных вдоль домов дощатых помостов, какие были у нас в Пинске. Дома на этих улицах деревянные, одноэтажные. Все старые – дерево почерневшее, отсыревшее, трухлявое. Окна маленькие, стекла толстые, между рамами вата, войлок, тряпье. Создается впечатление, что домики смотрят на нас через очки с толстыми стеклами на носу у подслеповатых бабушек.

В Заложном районе мороз – спасение.

Мороз держит в узде решительно все, включая грунт, устанавливает неколебимый порядок, сохраняет устойчивое равновесие. Дома на замерзшей, твердой как бетон земле стоят прямо и уверенно, по улицам можно ходить и ездить, колеса не увязают в склизкой грязи, обувь не застревает в липком месиве.

Однако наступает такой день, как тот, когда я познакомился с Таней, то есть приходит тепло.

Вырвавшиеся из клещей мороза домишки проваливаются в землю. Они уже давно стоят ниже уровня улицы – построенные когда-то на вечной мерзлоте, они своим теплом проделали в оледеневшей почве ниши, которые из года в год углубляются. Каждый домик стоит в своей нише.

Волна апрельского тепла накатывает на Заложный район, и его бедные домики клонятся набок, оседают, проваливаются еще глубже. Весь район съезживается, уменьшается, уходит в землю – в некоторых местах видны только крыши; невольно возникает сравнение с огромной флотилией подводных лодок, постепенно погружающихся в море.

– А это видишь? – спрашивает Таня.

Я посмотрел, куда она показала, и вот что увидел: подтаявшая грязь узкими ручейками, используя любую канавку, любую щель, потекла с улицы в сторону домов. Природа в Сибири экстремальная, все здесь происходит стремительно, резко, так что если грязь в Якутске заливает дома, это не шутка – не просто густая темная жижа плещется у стен, а разбушевавшаяся лавина внезапно бросается в безудержное наступление на крылечки и двери, заполняет проходы

и дворы. Улицы будто выходят из берегов и вливаются в дома Заложного района.

Дома ходишь по грязи, грязью покрыты полы; она везде. «Не очень приятно пахнет, – рассказывает Таня, – ведь в районе нет канализации, ну, в общем, бывает всякое такое... – она морщит лоб, ищет нужное слово, но не находит и, сдавшись, повторяет: – всякое такое».

И еще на одно я должен обратить внимание – на воткнутые в землю там и сям таблички, предупреждающие, что в этих местах нельзя копать. Почему? А потому, что электропровода тут проложены прямо в земле, и если кто-нибудь воткнет лопату и заденет провод, его убьет током. Так что в Заложном районе можно извозиться в грязи по пояс, можно свалиться в сточную канаву, а можно и погибнуть. Поэтому зимой безопаснее, зимой никому не придет в голову рыть землю.

Уже подходя к улице Крупской, мы увидели возле какого-то домика старушку, которая, лихо орудуя метлой, пыталась остановить поток напозающей на крыльцо грязи.

– Тяжелая работа, – сказал я, чтобы завязать разговор.

– А, – пожалала она плечами, – весной всегда так. Страшное дело. Все течет.

Воцарилось молчание.

– Как вам живется? – задал я банальный, идиотский вопрос – просто, чтобы поддержать беседу.

Старушка выпрямилась, оперлась на рукоятку метлы, глянула на меня, даже улыбнулась и произнесла фразу, в которой заключена вся суть русской жизненной философии:

– *Как живем?* – подумав, сказала она и добавила голосом, в котором прозвучали и гордость, и решимость, и тоска, и радость: – *Дышим!*

ЗАПАДНЯ (Ереван-Карабах)

Эта история произошла летом 1990 года. Я не мог описать ее раньше, дабы не навлечь репрессии на людей, которые мне тогда помогли.

Накануне отъезда в Ереван я встретился в Москве со Старовойтовой (Галина Васильевна Старовойтова, профессор Санкт-Петербургского университета, в ту пору была депутатом Верховного Совета СССР от Армении, затем – советником Ельцина по национальным вопросам). Я тогда увидел ее впервые. Крупная прекрасно умеющая держаться женщина с теплой, приветливой улыбкой. Я знал, что завтра она летит в Ереван. «Встретимся там, – сказала она. И добавила: – Возможно, я сумею вам помочь, но удастся ли, не знаю, на месте увидим».

Ее сомнения были мне понятны. Ведь я намеревался попасть в Нагорный Карабах. Затея, в сущности, безнадежная. Доступ туда наземным путем был перекрыт: весь округ Нагорного Карабаха – армянский анклав на территории Азербайджана – блокировали части Советской Армии и азербайджанская милиция. Они контролировали все проходы, шоссе, тракты и тропы, охраняли расселины и скальные уступы, перевалы, пропасти и горные вершины. И речи быть не могло, чтобы прорваться через бдительную, густую сеть. Людям, знавшим эти края, даже в голову не пришло бы такое. Оставался только один путь – воздушный: из Еревана в Степанакерт, столицу Нагорного Карабаха, время от времени (крайне нерегулярно) совершал рейсы небольшой самолет Аэрофлота. Но и здесь у меня не было шансов. И проблема заключалась не только в том, как попасть на борт. Ради этого люди неделями ночуют в аэропорту Еревана (у меня на ожидание не было ни времени, ни денег). Самое

главное препятствие заключалось в том, что приобрести билет можно было лишь по советскому паспорту со штампом прописки в Нагорном Карабахе или же получив в Москве согласие Генштаба на эту поездку. В моем случае ни один из этих вариантов не подходил.

В Ереван я прилетел ночью. Весь следующий день провел в гостинице, ожидая телефонного звонка. У меня с собой были древнеармянские хроники – тексты тысячелетней давности. Они прекрасны, но их невозможно читать подряд, столько там отчаяния, боли и слез. Вот она, судьба армян: века гонений, века унижений, диаспора, скитания, погромы. Все это зафиксировано в хрониках. На каждой странице кто-то молит сохранить ему жизнь. На каждой странице тревога, в каждой строке дрожь и страх.

На следующее утро зазвонил телефон. Я услышал голос Галины Старовойтовой. «Наберитесь терпения и ждите у себя в номере, пока к вам не придет молодой человек», – сказала она.

Молодого человека звали Гурен. Это был хорошо сложенный коренастый мужчина с энергичными, размашистыми жестами. Войдя и взглянув на меня, он смешался. «Что случилось?» – спросил я. Он открыл портфель и достал несколько советских паспортов. Это оказались паспорта армян, самому старшему из которых было 24 года. Все они умерли. Одного сожгли в Сумгаите, сообщил Гурен, другого удушили в Нагорном Карабахе. «А этот?» – «Как погиб этот, я не знаю...» Со всех фотографий на нас смотрели одинаково темные, серьезные глаза. Наконец Гурен выбрал паспорт, где снимок был несколько смазан (вода? пот?), и велел мне взять его.

Потом он усадил меня в совершенно разбитый «москвич», в котором функционировали только двигатель да (я надеялся!) тормоза, и мы поехали по городу. Я сразу ощутил себя в привычном Третьем мире, то есть так, словно бы оказался на улице Тегерана, в Калькутте или в Лагосе, где никто не соблюдает дорожных правил, где нет никаких светофоров и указателей, однако это безумное, хаотическое, сумасшедшее движение обладает какой-то внутренней (скрытой от глаз европейца) логикой и смыслом. И хотя каждый едет как хочет, в произвольно избранном направлении – поперек, назад, зигзагами, кругами, – все в конце концов (во всяком случае, большинство) добираются до цели. Мы тоже часть этой смердящей выхлопными

газами, обшарпанной и гудящей лавины, мы тоже спешим к своей цели. Куда – я и понятия не имел. Но по опыту я знал, что когда кто-либо брал меня с собой в рискованную, сомнительную, невероятную поездку, задавать вопросы не полагалось. Если спрашиваешь, значит, сомневаешься, не уверен, боишься. А ведь говорил, что хочешь. Решай – готов ли ты к любым неожиданностям? Кроме того, для сомнений, колебаний, поисков альтернатив времени уже нет.

Старый каменный дом в самом центре города. Гурен ведет меня на третий этаж. Типичная для этой страны квартира, загроможденная мебелью, тесная. Каждодневная, изматывающая борьба за сохранение хоть крупицы чистоты и порядка. Борьба без союзников – без мыла, порошков, часто и без воды. Даже чаще всего без воды, так как город высыхает, вода появляется редко, то здесь, то там приходится ее искать, подолгу ждать. В квартире, куда мы пришли, балкон превращен в веранду, застекленные стены выходят в озелененный двор; именно здесь стоит стол, за ним несколько человек. Единственная, кого знаю, – Галина Старовойтова. Большинство остальных – юные бородачи. Их присутствие свидетельствует о том, что где-то рядом проходит фронт – какой-то фронт, фронт борьбы за свободу, за власть. В Армении даже два фронта борьбы: с Империей и с Азербайджаном. В городе полно федаинов, они стоят на улицах, ездят на грузовиках, вооруженные чем попало, одетые кое-как, но все с бородами. Федаины, сидящие за столом, приветствуют меня очень сердечно, после чего воцаряется тишина.

– Рышард, – говорит кто-то, – ты полетишь сегодня в Степанакерт. Тем же самым самолетом, что и депутат Старовойтова. Но полетишь как пилот. И с Галиной Васильевной вы незнакомы. Понимаешь?

Я отвечаю, что, конечно же, все понимаю. Это прозвучало почти как торжественная присяга. Я недолго пробыл в этой квартире, Гурен вскоре объявил, что пора на аэродром.

Следует ли описывать аэропорт в Ереване (который известен мне, впрочем, и по разным другим поездкам)? Нужно ли описывать утро на этом аэровокзале? То, как пробуждаются сотни и тысячи людей, которые спали на скамьях, на терразитовом полу, на каменных лестницах? То, как эти люди начинают подниматься под аккомпанемент брани, проклятий, детского плача? А как давно они здесь спят? Ну, кое-кто всего

только первую ночь. А эти, помятые, заросшие, со спутанными волосами? Эти – неделю. А те, к которым невозможно даже приблизиться, такой страшный смрад исходит от них? Те уже месяц. Ну и вот все они как один просыпаются, осматриваются по сторонам, почесываются, позевывают. Какой-то мужчина пытается заправить рубашку в брюки. Какая-то женщина силится засунуть волосы под платок. Черные блестящие волосы, великолепные, как у Шахразады. Это время, когда всем необходимо справить нужду. Поэтому люди начинают озираться со все возрастающим беспокойством – куда пойти, где укрыться, где можно присесть на корточки? В аэропорту четыре уборные. Даже если быть оптимистом и предположить, что они работают, то и тогда потребуется несколько часов, чтобы все смогли их посетить. Увы, они не функционируют, а точнее говоря, ими невозможно воспользоваться. Дело в том, что когда-то, уже давно, засорились унитазы. А поскольку они засорились, люди стали заполнять пространство возле унитазов. С необычайной, удивительной точностью заполнили каждый квадратный сантиметр площади на полу. Не находя свободного места возле унитазов, стали продвигаться дальше, устремляясь с понятной и такой естественной решимостью во все новые сферы.

Ну ладно, предположим, что взрослые при виде тех зловонных конструкций, которые застыли у дверей четырех уборных, несколько часов потерпят. Но дети? Ведь маленьких детям ничего не объяснишь. Например, этой годовалой девочке да и этому пятилетнему мальчугану (хотя он уже такой большой). Надо ли после этого говорить, что начальник аэровокзала злится на детей, которые без всякого стыда справляют нужду по всем углам?

Часть пассажиров бегаёт туда-сюда, пытаясь разузнать про какой-то рейс. Состоится ли он? Если состоится, то когда? И так далее. Есть ли места, не спрашивают, так как известно, что мест никогда нет. Те, что носятся взад-вперед как сумасшедшие, пытаясь что-то выяснить, новички, наивные и неопытные, которые, видимо, провели здесь всего одну-две ночи. Ветераны не трогаются с места. Они знают: это бесполезно – и предпочитают охранять свои места на скамьях. Сидят неподвижно, с отрешенным видом, утратив контакт с окружающими, как больные в психушках.

Описывать ли сцены в крохотной, забитой людьми комнатухе, где принимают жалобы пассажиров? Армянин, который здесь дежурит, судя по его виду, прежде был боксером,

штангистом, борцом. Только такой гладиатор в состоянии физически сдерживать напиральную, жаждущую возмездия, агрессивную толпу; занесенные кулаки вот-вот обрушатся на его голову, как град смертоносных камней. Сколько здесь несчастий и драм! Эта женщина должна сегодня вылететь на Урал, чтобы успеть на похороны сына, который погиб на военной службе. Этот мужчина внезапно потерял зрение. Он должен лететь в Киев на операцию, использовать единственную возможность не остаться слепым на всю жизнь. У самой стены застыла тихая очередь женщин, которые тоже должны каким-то образом улететь. Они стоят спокойно, им нельзя волноваться. У них большие животы, вот-вот могут начаться роды.

Мы с Гуреном протолкались в комнату летчиков через плотное скопище людей, сквозь толпу, которая на что-то (на кого-то?) упорно, ожесточенно напирала. При нашем появлении один из летчиков встал и поздоровался. Он был худощав, чуть выше меня. Звали его Сурен. Он велел мне следовать за ним. Привел на автомобильную стоянку к своей машине. В багажнике у него лежала летная форма – китель и брюки. «Всю ночь отглаживал, – сообщил Сурен с гордостью. – Надо еще раздобыть погоны и фуражку». Я переоделся в машине, а мою одежду мы уложили в пластиковую сумку. Вернулись в помещение. Сурен разыскал какую-то стюардессу и что-то ей сказал. Та исчезла, а мы, ожидая ее, беседовали о погоде. Наконец она появилась и кивком предложила мне следовать за ней. У нее был ключ от раздевалки пилотов. Там она подобрала мне соответствующие погоны и фуражку. Я должен был лететь как командир корабля. Девушка вывела меня в коридор и сказала: «Я останусь здесь, а ты отправляйся к Сурену». Ей не хотелось, чтобы нас видели вместе.

Я так и поступил, но сразу столкнулся с непредвиденной ситуацией. Стоило мне появиться в зале, как, увидев человека в форме, все бросились ко мне с вопросами: куда и когда мы летим, возьмем ли их с собой? С этим я еще как-нибудь управился бы, но вот, расталкивая пассажиров, ко мне протиснулись двое, вдобавок (как выяснилось) конкуренты, и оба почти одновременно решительно заявили: «Все билеты на самолет только через меня!» Одним словом, легально приобретенный билет лишь давал возможность сделать первый или даже предварительный шаг на тернистом пути получения бумажки, приравненной к законному проездному документу. Вопрос о том, полетит или не полетит кто-либо,

зависел от взятки, врученной представителю одной из мафий, которые и возникли передо мной. Это именно такая ситуация, в какой теряются многие люди Запада, склонные любую действительность трактовать только так, как она им видится: ясной, четкой, логичной. Столкнувшись с советской действительностью, человек Запада утрачивает почву под ногами, пока кто-нибудь не объяснит ему, что действительность эта совсем не однозначна и наверняка не самая важная, поскольку здесь несколько совершенно различных действительностей, сплетающихся в чудовищный и не поддающийся распутыванию узел. Характерный его признак – многологичность: это причудливое сочетание самых противоречивых логических систем, иногда ошибочно именуемое теми, кто полагает, будто существует всего одна логическая система, нелогичностью или алогичностью.

Сознание того, что любой промах будет иметь для меня катастрофические последствия, вынудило действовать решительно. Я раздвинул толпу и направился в комнату пилотов. Сурен представил меня второму пилоту, с которым мне предстояло лететь. Его звали Аверик. Мы сразу же пришли друг другу по душе. Аверик знал, насколько рискованна задуманная операция, но что-то в этом его привлекало, и с первой минуты он был готов на все. Он понимал, что, если меня схватят, они тоже угодят в тюрьму, испытают на себе жестокость ГУЛАГа. Но когда мы познакомились, он был спокоен и полон кипучей энергии. Аверик – противоположность Сурену, всегда выдержанному, замкнутому, неразговорчивому.

Машина, которую пилотируют Сурен и Аверик, – большой реактивный ЯК-40, рассчитанный на 26 пассажиров. В Ереване во время старта никаких трудностей преодолеть не пришлось. Автобус доставил нас вместе с пассажирами к самолету – он стоял далеко от аэровокзала. Среди пассажиров – измученных армян, настолько изнуренных, что они даже не могли радоваться возвращению домой, – я увидел Старовойтову и Гурена (он летел в качестве ее помощника). Сурен, Аверик и я вошли в кабину и заперли дверь. Сурен начал запускать двигатели. Настроение в кабине было недурное, поскольку весь план моего путешествия базировался на достаточно прочных основах. Судите сами. Депутат Верховного Совета хочет встретиться со своими избирателями, везет подарки для школ. Я – ее личный пилот;

а если этот вариант не сработает, следует делать вид, что я со Старовойтовой даже не знаком.

Трассу от Еревана до Степанакерта наш небольшой самолет покрывает за три четверти часа. Летим между двумя цепями Нагорного Карабаха (имеется еще ниже расположенный Равнинный, или Нижний Карабах), образующими восточную Кавказскую гряду, которая, плавно снижаясь, будто постепенно теряя живость и силу, переходит в долину Куры. Еще через 200 – 300 километров к востоку светлые воды этой реки вольются в темное, залитое нефтью Каспийское море.

За штурвалами Сурен и Аверик. Мы сидим в кабине, словно в парящей в воздухе ложе, созерцая необыкновенный театр пантомимы – пляшущие горы. Танец их медленный, сомнамбулический, почти неподвижный, однако эти безмолвные, окаменевшие фигуры перемещаются, меняют положение, поворачиваются, склоняются к земле или же ползут вверх, к самым облакам. Все новые пары, группы, хороводы. Вокруг – Швейцария. Пасутся стада овец, текут ручьи, зеленеют леса и поляны.

Из созерцательного состояния нас вырывает голос диспетчера степанакертского аэродрома – идем на посадку. Уже видна небольшая долина, едва различимая линия строений, а потом, через минуту, Сурен указывает мне пальцем на нитку посадочной полосы. Она неровная и очень короткая, более крупный самолет не смог бы здесь приземлиться. В сущности, мы приземлились в самом конце этой полосы – далее скальная осыпь. Медленно катим в сторону барака – это аэропорт. По мере приближения к нему лица Сурена и Аверика твердеют: все заблокировано воинскими частями, всюду полно милиции. В Нагорном Карабахе введено военное положение, командует округом военный комиссар. Воинские части – это подразделения КГБ, доставленные из глубины России. «Никогда здесь ничего подобного не было», – бурчит Сурен. Едва он успевает выключить двигатель, как самолет окружают вооруженные спецназовцы, появляются какие-то офицеры. Сурен что-то говорит Аверику по-армянски, показывая на меня глазами. Аверик, понимающе кивнув, бросает: «Иди впереди меня». Мы выходим из кабины. Единственная дверь в этом самолете в самом хвосте. Аверик открывает ее, трап опускается на землю. Я ощущаю удар тропического ветра и вижу скапливающихся у трапа солдат. «Выходи, выходи и сразу вперед», – слышу я голос Аверика.

Теперь мне уже нельзя ни секунды колебаться, нельзя сделать неуверенный жест, лишнее движение. Сбегаю по трапу, миную офицеров, уже столпившихся у выхода, иду вперед мимо спецназовцев и милиционеров. Рядом идет Аверик, он знает (я на это рассчитываю), что делать дальше. Самое главное – никто нас не окликает, не приказывает остановиться. Мы выходим прямо на колонну бронетранспортеров, в тени которых сидят солдаты. И здесь нас тоже никто не задерживает – в конце концов, мы в летной форме, все видели, что минуту назад мы пригнали самолет. Идем метров сто вдоль этих бронетранспортеров к воротам, у которых деревянный домик. В нем нечто вроде бара, где можно получить только одно – теплый лимонад. Аверик берет для меня стакан лимонада (впопыхах я забыл прихватить деньги), говорит: «Сиди здесь и жди» – и, не прощаясь, исчезает. Через какое-то время появляется неведомый мне бородач; проходя мимо меня, он цедит сквозь зубы: «Сиди здесь и не двигайся, с этой минуты ты под моей опекой», – и тоже исчезает.

Ожидание, однако, затянулось, я все больше чувствовал себя сидящим на раскаленных углях. В баре было несколько столиков, но их никто не занимал – сидел я один. Тем не менее непрерывно кто-нибудь заявлялся в бар выпить лимонаду. Самую большую опасность для меня представляли армейские патрули. Вообразите себе: крохотный, временного типа аэродром в глубокой провинции, высоко в горах. Изредка прилетает маленький самолет, который, впрочем, сразу же отправляется в обратный путь. Единственное развлечение – бар, где торгуют лимонадом. Жарко, всем хочется пить. Больше других страдают от жажды солдаты – военный патруль, – все они в касках, в пуленепробиваемых жилетах, кроме того, при них немало металлических предметов. Какая работа у патрулей? Собственно, никакой – ходить и вынюхивать, ходить и искать, подсматривать, выспрашивать. И вот, изнывая от безделья, смертельной скуки, они обнаруживают лакомый кусок: в баре (единственном), в пустом баре сидит пилот гражданской авиации. А если подойти и спросить, скажем, так: «Откуда?» или, скажем: «Куда?» Ведь спросить можно, особенно если ты в армейском патруле, несущем службу в условиях военного положения в такой горячей точке, как Нагорный Карабах. Сюда крайне редко кто-нибудь приезжает. Сюда трудно добраться. Просто так любого сюда не пустят.

Если ко мне привяжется русский патруль – это еще полбеды: прикинусь армянином, я говорю по-русски, но вроде с армянским акцентом. Если патруль армянский – тоже не беда: я говорю по-русски с таким акцентом, как литовцы или латыши. Больше всего меня пугали смешанные русско-армянские патрули. Уж тут-то мне не выкрутиться!

Еще одна сложность состояла в том, что при мне не было никаких документов. Да, из кармана моей куртки торчал край советского паспорта. Но то был паспорт молодого армянина, убитого в Сумгаите.

Час спустя появился бородач. «Слушай, – сказал я, – мне нельзя здесь сидеть, меня схватят». Я видел, что он встревожен. «Сиди, – ответил он, – положение аховое, сиди!» – и снова пропал. Несмотря на жару, я надвинул фуражку на глаза и прикинулся спящим. Фуражка была большая, импозантная, украшенная различными нашивками и дубовыми листьями. Я использовал ее как ширму. Кроме того, я стремился принять вид, отбивающий охоту вступать со мной в контакт. Вид этакого хама, нелюдима, мерзавца, такой вид, который сигнализировал бы каждому: лучше не подходи!

Просидев два часа в этом баре, я услышал рев улетающего самолета. И почувствовал себя еще более одиноким, угодившим в западню. К счастью, тут появился бородач и приказал: «Следуй за мной!» Я покинул бар с ощущением, которое, наверно, охватывало покидающих стены тюрьмы строгого режима. Мы двинулись вдоль дороги, ведущей с аэродрома в город, но прошли не более ста метров – до того места, где в низине у шоссе была автомобильная стоянка. При въезде на нее в тени придорожного дерева сидел старый армянин. Он выразительно кивнул моему бородачу, тот подвел меня к канареечно-желтой «ладе», сказал: «Сиди здесь, не расхаживай» – и исчез. С одной стороны, я почувствовал себя свободнее, чем прежде, когда в баре играл роль живой мишени, однако, с другой стороны, в машине, простоявшей весь день на солнце, было жарко, как в печке. Я вознамерился выйти из нее и пройтись по автостоянке, но, едва распахнул дверцу, как старик, сидящий на корточках в тени дерева, шикнул: «Не выходи, они здесь, рядом!» Действительно, примерно в пятидесяти метрах я увидел шлагбаум, а возле него военно-пропускной пункт. Нет ничего проще, чем пригласить изнывающего на солнце представителя Аэрофлота в палатку, предложить глоток освежающего чаю и хотя бы для того, чтобы завязать разговор, спросить: «А кто, а что,

а как и откуда?» Ведь поговорить – это так естественно, так по-человечески, особенно теперь, в пору «гласности», когда поговорить можно даже с абсолютно незнакомым человеком.

Хуже всего, что я по-прежнему не понимал, что же все-таки происходит? Одно было ясно: оптимистический вариант плана, разработанного еще в Ереване, осуществить не удалось. Предполагалось, что Старовойтову будут встречать на аэродроме представители местной власти. Торжественная встреча заняла бы минут пятнадцать, максимум полчаса. Затем все вместе мы должны были на машинах отправиться в город, пообедать, вручить школьникам подарки, посетить парк, встретиться с жителями Степанакерта. Никто не сомневался, что хозяева проявят гостеприимство, что атмосфера будет теплой, идиллической. Между тем у самолета нас ждали вовсе не отцы города, а гебисты. Какая там торжественная встреча – мы прямиком угодили в западню.

Я спросил старика (он все время сидел под деревом, не сводя глаз с аэродрома, и даже говоря со мной не поворачивал головы), поехала ли уже Старовойтова в город, но он озабоченно ответил, что нет. Это значит – решил я, – что ее либо задержали в аэропорту, либо велели вернуться нашим самолетом в Ереван. Однако старый армянин этого не знал.

Старый армянин в тени придорожного дерева. Вся конспиративная работа на Востоке опирается на таких людей. Они недвижимы, как валуны в каменном пейзаже этой земли. Сидят, облокотившись на палку, на глиняных улочках восточных городов. Они все видят, все подмечают. Ничто не в состоянии вывести их из равновесия. Никто не в силах обмануть. Никому их не одолеть. Вот и мне, благодаря этому человеку, сидящему под деревом, стало спокойнее.

Я придумал версию на случай, если меня схватят.

– Откуда у тебя форма? – спросит следователь.

– Откуда? Купил в Варшаве. У русских можно приобрести любую: капитана, полковника, даже генеральский мундир. Оружие тоже можно купить, но, как видите, я безоружен.

– Если ты говоришь правду, то почему приобрел форму пилота Аэрофлота?

– Потому, что давно хотел попасть в Нагорный Карабах, но знал, что иного пути у меня нет. А оказаться здесь я хотел любой ценой, меня всегда волновала судьба обреченных на гибель людей – а жители Нагорного Карабаха обречены на уничтожение.

– Вы так думаете? – спросит следователь.
– Увы, боюсь, что это так. Тут маленький островок христиан, его через несколько лет поглотит океан исламского фундаментализма. Волны этого океана уже вздымаются. Разве вы не видите?

– Откуда у тебя паспорт этого человека из Сумгаита?

– Паспорт валялся на подоконнике в ереванском аэропорту. Никто им не заинтересовался.

– Кто пропустил вас на борт самолета?

– Никто меня не пропускал, я сам вошел. Сел в автобус с пассажирами и вместе со всеми поднялся на борт. Странно было бы пассажирам спрашивать пилота, почему он с ними летит.

– Дежурный, – зовет следователь, – отвести арестованного в камеру!

Времени у меня было в избытке, и я прокручивал в уме самые разные варианты показаний, которые преследовали только одну цель – никого не втянуть, ни на кого не свалить свою вину.

С момента нашего приземления прошло четыре часа, когда наконец со стороны города подкатил черный лимузин и остановился на некотором расстоянии от КПП. В таких лимузинах ездят только высшие должностные лица Империи. Я сразу же подумал: ага, прислали машину, значит, Старовойтову, вероятно, пропустят в город. Через минуту передо мной неожиданно появился бородач (все с тем же крайне напряженным видом заговорщика) и сказал: «Держись как можно увереннее!» Говорить мне этого не требовалось, я знал, что в подобных ситуациях уверенность – половина успеха.

Мы сели в «ладу», энергично захлопнули дверцы, и машина покатила в сторону города. Несколько километров мы ехали по асфальтированному шоссе, вдоль которого стояли то бронетранспортеры, то танкетки; местность напоминала громадный военный лагерь. Вдруг перед нами возник лабиринт из высоких, тяжелых бетонных блоков. Пришлось сбросить скорость и осторожно проезжать между блоками; стоящие здесь солдаты контролировали транспорт. Бородач, увидев лабиринт, сказал: «Ложись и изображай мертвецки пьяного». Ничего другого он придумать не успел. Я тотчас же повалился на заднее сиденье, прикрыв физиономию фуражкой, и услышал, как бородач поясняет солдату, сунувшему голову в машину: «Пьяный...»

Мы снова неслись в сторону города; я видел справа от шоссе склоны холма, а слева – глубокий овраг и на дне его нить мертвой железной дороги. «Можешь уже сесть нормально, но если нас остановят, снова изображай пьяного». Однако контрольные посты, которые мы миновали, нас не задерживали, разрешали следовать дальше. Потянулись зеленые, тенистые, пересекающиеся под прямым углом улочки. В какой-то момент машина въехала во двор, окруженный жилыми домами; бородач произнес: «Вылезай!» Я выскочил, машина вместе с бородачом тотчас укатила. Я даже не успел оглядеться, как ко мне подбежала пожилая женщина, схватила за руку, втокнула в один из подъездов и, прошептав: «Четвертый этаж», – исчезла. Я поднялся по лестнице на четвертый этаж, а здесь уже распахнулась дверь, и я оказался в какой-то квартире, окруженный толпой женщин и детей; все кричали от радости, тискали, обнимали меня, что-то объясняли; я видел сияющие, торжествующие лица.

– Негодяи! Мерзавцы! Оккупанты! До каких пор нас будут держать в рабстве?! – кричали женщины, подогревая для меня – под бесконечные и все более изощренные проклятия и угрозы режиму – давно остывший обед.

Пришли несколько мужчин, они тоже обнимали и тискали меня. С их появлением галдеж моментально стих, женщины перестали кричать и ругаться, дети попрятались по углам. Теперь я мог переодеться в гражданскую одежду (хозяина дома? кого-то из соседей?).

Целый вечер пройдет в беседах. Для этого я и здесь. Приехал, чтобы встретиться с людьми из комитета «Карабах», которым запрещено отсюда выезжать, которые обречены на немолчу, на безмолвное сопротивление. А они хотели бы, чтобы мир узнал о судьбе местных армян, об их бедах, их драме. Это желание быть услышанным – отличительная потребность людей подневольных; как последней надежды, придерживаются они веры в справедливость мира и убеждены, что быть услышанным – это значит быть понятым и тем самым доказать свою правоту и одержать победу.

Смеркается. Мы сидим в большой комнате за длинным, массивным столом. Это типичная армянская квартира: стол – самое существенное во внутреннем убранстве, основа домашнего очага. Стол всегда должен быть накрыт. На нем все, чем хата богата, что нашлось под рукой, он не должен пустовать: пустой стол разобщает людей, беседа не клеится. Чем

обильнее стол, тем больше радушия и уважения мы оказываем гостям.

– Наш главный вопрос, – говорит один из присутствующих, – как просуществовать? Эта проблема волнует армян сотни лет. У нас своя культура, свой язык, свой алфавит. Семнадцать веков христианство – национальная религия армян. Но наша культура носит пассивный характер, это культура гетто, осажденной крепости. Мы никогда не навязывали другим свои обычаи, свой образ жизни. Нам неизвестно ни мессианство, ни жажда господства. Между тем мы оказались в окружении народов, которые всегда стремились под знаменем Пророка овладеть этой частью мира. В их глазах мы – отравленная колючка в здоровом теле ислама. И они хотят вырвать эту колючку, стереть нас с лица земли.

– В самой тяжелой ситуации Нагорный Карабах, – отзывается кто-то другой. – Когда-то мы были неотъемлемой частью Армении, но в двадцатом году туда вошли турецкие войска и под корень вырезали армянское население между границами нынешних республик Армении и Нагорного Карабаха. Наши же предки, жившие в горах Карабаха, спаслись. Опустошенную полосу земли между Арменией и Карабахом заселили кавказские турки, то есть азербайджанцы. Эта полоса шириной всего в тринадцать километров, но они заняли ее, и туда ни пройти, ни проехать. Таким образом, мы превратились в христианский остров в сердце исламской республики Азербайджан. Вдобавок Азербайджан – это шииты, их кумир – Хомейни, они не пойдут на уступки, пока не расправятся с нами.

– Сталин, – добавляет сидящий рядом со мной человек, – Сталин неплохо знал Кавказ. Ведь он сам отсюда. Он знал, что в этих горах живет сто народов, которые всегда враждовали между собой. Это отгороженный двумя – Черным и Каспийским – морями, а также двумя неприступными горными цепями, наглухо запертый от остального мира закоулок. Кто сюда доберется? Кто отважится проникнуть в эти глубины? Сталин умел подливать масло в огонь. Он знал, что Нагорный Карабах всегда будет яблоком раздора между турками и армянами. Поэтому он не объединил Нагорный Карабах с Арменией, но оставил наш округ в центре Азербайджана под властью Баку. Москва стала играть роль третьей стороны.

– Хотя мы живем в отдалении от Парижа и Рима, – вступает в разговор пожилой мужчина, сидящий на дальнем конце стола, – мы – часть христианской Европы, собствен-

но говоря, самый край ее. Взглянем на карту, – продолжает он. – Западная часть Европы завершается отчетливой линией побережья – дальше Атлантика. Но на востоке эта линия не такая четкая. Здесь Европа растворяется, разрезается, растекается. Нужен какой-то критерий. В данном случае, по-моему, не географический, а культурологический. Европа простирается до тех мест, где живут приверженцы христианских идеалов. Мы, армяне, именно такой наиболее выдвинутый на юго-восток народ.

– Есть две линии, где сталкиваются интересы Европы и исламского мира, – присовокупил кто-то. – Одна – вдоль Средиземного моря, другая – по Кавказскому хребту. Если учесть, что все больше турок и алжирцев селится в Европе, можно предположить, что наши дети доживут до такого времени, когда Степанакерт станет одним из немногих христианских городов на свете.

– Если только мы уцелеем, – отозвалось сразу несколько голосов.

Чтобы доказать мне, что это проблематично, хозяин дома подвел меня к окну. Уже стемнело. Высоко в небе застыли сияющие ряды огней.

– Там, наверху, – сказал он, – местечко Шуша. Мы перед ним как на ладони, в любую минуту нас могут обстрелять.

Здесь все напоено неуверенностью, страхом и ненавистью.

– Армяне, – говорит один из мужчин, – никогда не смирятся с утратой Нагорного Карабаха. Каждые несколько лет в Армении на этой почве вспыхивали беспорядки, люди бунтовали, несмотря на жестокость Сталина, несмотря на брежневские репрессии. В июне 1988 года Верховный Совет Армении согласился с ходатайством Верховного Совета автономного округа Нагорный Карабах о присоединении его к Армении. Баку заявил: «Нет!» Москва всегда поддержит сильнейшего, а Азербайджан гораздо сильнее нас. Нагорный Карабах занимает лишь пять процентов территории Азербайджана, и живет здесь всего три процента его населения. Москва воспользовалась тем, что Баку угрожал захватить Нагорный Карабах, объявила военное положение и ввела сюда свои войска. Мы в западне. Москва нас оккупировала, но если советские воинские части выведут, мы попадем под азербайджанскую оккупацию

Во время этой беседы на лестничной площадке началось какое-то движение, дверь открылась, и в сопровождении нескольких человек вошла Старовойтова. Она выглядела

усталой и напряженной, хотя старалась казаться спокойной и создать безоблачное настроение. Рассказала, что с ней случилось. Едва она вышла из самолета, ее задержали несколько офицеров – посланцев главного военного коменданта Нагорного Карабаха. Они заявили, что она не имела права прилететь в Степанакерт, и пытались уговорить ее вернуться в Ереван. Но Старовойтова сказала, что вернется, только если ее внесут в самолет. Офицеры поняли, что с этим возникнут проблемы. Во-первых, Старовойтова – дама корпулентная, а во-вторых, – не избежать скандала на полмира. Начались бесконечные переговоры и совещания: что делать? Пружиной всего происходящего был первый секретарь ЦК Аяз Муталибов (сейчас он президент Азербайджана), который звонил из Баку в Москву Горбачеву и грозился атаковать Степанакерт, если оттуда не выдворят Старовойтову. А Москва не хотела портить отношения с Муталибовым, с исламом, с Турцией, с Ближним Востоком и т.д. – какие там Старовойтова и Нагорный Карабах! Старовойтова всячески тянула время, ей хотелось во что бы то ни стало остаться и встретиться с местными жителями. Чтобы люди почувствовали, что кто-то о них помнит. У нее был веский аргумент: летчики, увидев, что происходит, воспользовались суматохой и улетели. Они знали, что аэродром в Степанакерте не освещен и уже слишком поздно для того, чтобы снова там приземлиться.

У Старовойтовой были в Баку противники, поскольку азербайджанцы, как и армяне, делят людей на два противоположных лагеря.

Для армян союзник тот, кто считает, что Нагорный Карабах – это серьезная проблема. Остальные – враги.

Для азербайджанцев союзник тот, кто не считает Нагорный Карабах проблемой. Все остальные – враги.

Примечательны непримиримость и радикализм обеих позиций. Конечно, если, находясь среди армян, ты заявишь: «Я считаю, что азербайджанцы правы», – или же, оказавшись среди азербайджанцев, заявишь: «Думаю, армяне правы», тебя возненавидят и убьют! Но достаточно нехотать сказать: «Проблема существует!» (или: «Нет проблемы!») – чтобы тебя придушили, повесили, побили камнями, сожгли живьем.

Невозможно также в Баку и Ереване обратиться к людям с такими словами: «Послушайте, десятки лет назад (кто из нас, живых, помнит эти времена?) какой-то турецкий паша

и Сталин забросили в наше кавказское гнездо это страшное кукушкино яйцо. И вот на протяжении столетия мы страдаем и убиваем друг друга, а они там, в своих затхлых могилах, похохатывают так, что даже нам слышно. А ведь мы прозябаем в нищете, вокруг невежество и грязь, давайте же достигнем согласия и начнем наконец мирно трудиться».

Никто и никогда не смог бы завершить такое обращение: несчастный моралист и парламентар был бы убит.

Миру грозят три опасности, три бедствия.

Первое — опасность национализма.

Второе — опасность расизма.

Третье — опасность религиозного фундаментализма,

У этих трех бедствий одно общее: агрессивный, всевластный, тотальный иррационализм. К сознанию, пораженному одним из этих недугов, невозможно пробиться. Оно пылает священным огнем и жаждет жертв. Любая попытка спокойной беседы окажется бессмысленной. Такое сознание способно не к беседе, а только к декларациям. Чтобы к нему присоединились, поддакивали, признали его правоту. В противном случае ты для него ничего не значишь, не существуешь и принимаешься в расчет лишь как орудие, инструмент, оружие. Людей нет — есть проблема.

Ум, пораженный таким недугом, — ограниченный, плоский, однонаправленный, для него существует только одна тема — тема врага. Мысль о враге поддерживает нас, дает возможность жить. Поэтому враг всегда с нами. Когда под Ереваном местный гид показывает мне одну из старых армянских базилик, он завершает свои объяснения презрительным замечанием: “Ну скажите, могли бы азербайджанцы построить такую базилику?” Когда позже, в Баку, местный гид показывает мне вереницу нарядных домов в стиле модерн, он завершает свои объяснения презрительным замечанием: “Ну скажите, могли бы армяне построить такие дома?”

С другой стороны, можно позавидовать и армянам, и азербайджанцам. Думаю, их не терзает мысль о сложности мира, о том, что судьба человека зыбка и хрупка. Им чужда тревога, обычно сопутствующая вопросам: что есть истина? Что такое добро? Что значит справедливость? Им неведомы сомнения, которые преследуют тех, кто привык задаваться вопросом: а прав ли я? Их мир невелик — несколько долин и гор. Их мир прост — по одну сторону мы, хорошие люди,

по другую – они, наши враги. Их миром правит однозначный закон исключительности: либо мы, либо они.

Ну а если есть еще какой-нибудь, другой, мир, то чего бы они от него хотели? Чтобы он оставил их в покое. Покой им нужен, чтоб иметь возможность хорошенько пересчитать друг другу кости.

Утром меня разбудило солнце, я вскочил с постели, подошел к окну. И онемел от изумления. Я находился в одном из прекраснейших уголков земли! Словно где-нибудь в Альпах, в Пиренеях, в Родобах, в Андорре, Сан-Марино или Кортино-д'Ампеццо. Вчера мне было не до разглядывания окрестного пейзажа. А теперь я увидел солнце – все залито солнцем. Тепло, но не душно – по горному свежо. Всюду синева, интенсивная, густая, прозрачная, кобальтовая. Воздух чистый, кристальный, светлый. Вдали, в вышине, – горы, покрытые сверкающим снегом. Вблизи – тоже горы, но уже зеленые. Все сплошь ярко-зеленое: островки горной сосны, трава, луга.

Среди этого чарующего сочного пейзажа торчат обшарпанные, разрушающиеся бетонные пригороды Степанакерта, тяжелые, большие плиты, неумело и халтурно, кое-как уложенные, невзрачные. В том месте, где я ночевал, панельные дома образуют замкнутый четырехугольник. Между домами, между балконами натянута проволока для сушки белья. Манипулируя так или иначе блоками, белье передвигают, чтобы оно, следуя за солнцем, быстрее сохло. Поскольку места не очень много, здесь, вероятно, соблюдается некий график, некое согласованное расписание: когда, кто и сколько может вывесить белья на просушку. Характер вещей, состав и вид позволяют многое узнать об интимной жизни соседей, а также почерпнуть важную информацию коммерческого характера. Где женщина, живущая напротив, приобрела такие тонкие колготки? Сеть этой проволоки, этих нитей, растянутых над двором, над растущими здесь деревьями, так замысловата и сложна, что, вероятно, только местные женщины способны ловко и свободно управлять всей этой оживляющейся время от времени и движущейся то вперед, то в сторону или назад экспозицией сорочек и штанов, трусов и чулок.

Старовойтова возвращается в Ереван, и с утра в квартире, где я ночевал, продолжается совещание: как со мной поступить? Как вывезти отсюда? Сообщения, поступающие с аэродрома через разного рода нарочных, неутешительны.

Военный комендант Нагорного Карабаха (генерал, чьей фамилии я не смог запомнить), желая смягчить гнев первого секретаря Муталибова и его московских союзников, решил устроить демонстрацию силы – сделать все, чтобы Старовойтовой не захотелось больше сюда приезжать, чтобы она уехала в атмосфере страха и враждебности. На пути к аэродрому проверяют любую машину, на нем самом уйма военнослужащих, даже вдоль взлетной полосы поставили спецназовцев.

Я замечаю, что мои армянские друзья взволнованы и начинают ссориться. Сути споров я не понимаю, но наверняка речь идет обо мне, поскольку они то и дело прерывают дискуссию, чтобы бросить в мою сторону: «Надень форму!» (я надеваю) — а через какое-то время: «Нет! Надень гражданское!» (я надеваю). После очередного раунда ссоры: «Нет! Надевай форму снова!» — я послушно выполняю противоречивые распоряжения, поскольку понимаю, насколько положение серьезно: я в западне. Сквозь так плотно расставленную сеть мне на борт самолета не прорваться.

Ситуация осложняется тем, что весть о приезде Старовойтовой (которая здесь чрезвычайно популярна) разошлась по городу и перед нашим домом собирается толпа. А туда, где толпа, незамедлительно явятся военные, а если явятся военные, начнутся выяснения, по какой причине собралась толпа и т.д., и так — по ниточке до клубочка, то есть напрямик к нашему убежищу.

Армяне все больше волнуются, накал спора все возрастает. Наконец прибывает один из гонцов (тот самый великолепный бородач, который вчера вывез меня с аэродрома) с каким-то сообщением. Армяне тотчас успокаиваются и начинают поглядывать в окно. Через какое-то время один из них говорит мне: «Видишь ту милицейскую машину с «петухом»?» На крыше машины, стоящей у нашего дома, медленно вращается синяя мигалка. «Спустишься вниз, — говорит армянин, — и сядешь в эту машину за спиной водителя. Ты должен держаться очень уверенно». Я, в летной форме, выхожу во двор и направляюсь прямо к милицейской машине. В ней только водитель — сержант, армянин. Усаживаюсь позади него и жду. Появляется Старовойтова, ее окружает толпа. Но тут подъезжает военный патруль — блондины, следовательно, русские; становится небезопасно. Старовойтова садится в стоящую рядом «волгу». В мою

машину подсаживаются сбоку два милиционера-армянина, а рядом с водителем занимает место милицейский капитан, тоже армянин. Мы трогаемся первыми, «волга» — за нами. Патрули по пути нашего следования растеряны: с одной стороны, они должны нас проверить, но, с другой стороны, ведь это милицейская машина с сигналом. Каким-то образом мы проезжаем через лабиринт из бетонных блоков, а затем под приподнятым шлагбаумом. Все патрульные солдаты — рослые блондины, славяне. Светлоглазые, русскоязычные.

Солнце, зной, близится полдень.

Капитан, который сидит рядом с водителем, крайне напряжен. Он знает, какому риску подвергает себя. Думаю, мы все это знаем. И, хотя едем очень быстро, дорога превращается в своего рода голгофу, растягивается до бесконечности.

Наконец — аэродром. Я вижу ЯК-40. Но как далеко до него! Ведь необходимо преодолеть самое трудное препятствие — ворота, ведущие к взлетной полосе. Возле ворот толчея: спецназовцы, офицеры. Мы останавливаемся первыми, за нами тормозит машина со Старовойтовой. Один из милиционеров выходит, она садится рядом со мной на его место. Мы подъезжаем к самым воротам, и тотчас же нас окружают военные. Капитан достает свое удостоверение и заявляет: «Я капитан Саровян из комендатуры города. У меня приказ военного коменданта доставить депутата Старовойтову на борт самолета. — И бесконечно повторяет столпившимся возле машины солдатам: — Капитан Саровян из комендатуры города. У меня приказ...»

Постепенно военные расступаются и поднимают шлагбаум. Мы подъезжаем к самолету. Старовойтова останавливает машину и говорит: «Я пойду проститься с начальником аэропорта, а вы тем временем посадите Рышарда в самолет».

Возле трапа стоят Сурен и Аверик. «Проходи в кабину, — тихо говорит Сурен, так как вокруг полно военных, — садись за штурвал и надень наушники». Я прохожу в салон; там солдат с миноискателем проверяет стены и пол — ищет, не привезли ли оружие.

Через какое-то время впускают пассажиров, за ними входит Старовойтова. Сурен и Аверик запускают двигатель и медленно вырывают на взлетную полосу. «Нас еще можно вернуть?» — спрашиваю я Сурена. «Можно», — отвечает он. По обе стороны взлетной полосы стоят спецназовцы, вижу их замаскированные ветками розмарина каски.

Мы стартуем на восток, в сторону солнца, гор, снега, а потом делаем разворот и летим на запад, туда, где Ереван и Арарат. Прошло, возможно, полчаса, когда в наушниках раздался хриплый голос. Сурен включил свой микрофон. С минуту шел разговор. Затем Сурен снял наушники и сказал мне: «Нас уже не вернут. Теперь ты свободен!»

Он взглянул на меня, улыбнулся и протянул мне свой носовой платок.

Только тут я почувствовал, как по лицу из-под моей великоватой фуражки стекает пот.

Приложение:

“Я БЫЛ ЗАЛОЖНИКОМ СВОЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ...”

(Текст состоит из фрагментов интервью с Рьшардом Капуцинским, которые писатель давал в разное время после выхода в свет «Империи».)

В конце 1980-х я писал книгу об Иди Амине, третью часть (после «Императора» и «Шахиншаха») моей трилогии о диктаторах. Поскольку после падения режима Амина прошло уже несколько лет, в 1988 году я снова поехал в Уганду, чтобы восстановить некоторые мелочи, которые стерлись у меня из памяти. И именно там, в Уганде, понял, как быстро улетучивается историческая память. Все уже забыли, оттолкнули от себя воспоминания о недавних безумствах и смерти. Я впервые ясно осознал, насколько коллективная память недолговечна. Работая над книгой, я постоянно получал известия о переменах в СССР. Было очевидно, что там происходит действительно нечто очень важное. И я решил туда поехать. Мой угандийский опыт показал: человеческая память избирательна. Я хотел побывать в СССР еще до того, как время изгладит из памяти детали. Тогда я еще не представлял себе, как будет выглядеть книга, и хотел сначала поехать в те места, которые хорошо знал. В 1967 году я побывал в Грузии, Армении, Азербайджане и республиках Средней Азии – советском Третьем мире, и результатом этой поездки стала книга «Киргиз сходит с коня». Теперь мне пришла в голову мысль написать нового «Киргиза...» Однако, когда я приехал в эти республики снова в 1989 году, стало ясно, что мой замысел безнадежно устарел. Я вернулся в Москву и там понял, что все происходящее на Кавказе и в Средней Азии было только фрагментом, отголоском крушения всей Империи. Я должен был описать агонию СССР и для этого решил объехать Советский Союз, чтобы своими глазами все увидеть.

«Газета Выборча», №19/1993

В то время *перестройка* шла полным ходом, и начиналась последняя фаза распада СССР. В «Иностранной литературе» как раз напечатали моего «Императора» – у меня появились деньги на путешествие. Подготовка поездок по республикам и областям была настоящей стратегической операцией, поглощавшей уйму времени, энергии и сил. Над тем, чтобы достать билеты и продукты, заказать места в гостиницах, работал целый штаб моих друзей. Без их помощи мало что удалось бы сделать. Об организации подобного путешествия в тех условиях можно написать отдельную книгу. Я исколесил Советский Союз от Бреста до Магадана и от полярного круга до границы с Ираном и Афганистаном. Мне пришлось испытать на себе лютые морозы и невыносимую летнюю жару; физически перенести такое путешествие было действительно тяжело. Несколько раз я был на грани отчаяния. Тогда я возвращался в Польшу и снова уезжал.

«Республика Нова», № 7-8/1993

В результате я объехал все 15 республик бывшего СССР, пролетел более 60 тысяч километров, взял более 1500 интервью, не позволяя себе никаких проволочек, не всегда подробно останавливаясь на том, что мне казалось интересным.

«Газета Выборча», № 19/1993

Главной проблемой была необъятность темы. Кроме того, гигантский колосс на глазах внезапно стал разваливаться. Причем стремительно. В течение одного года все кардинально изменилось. Вроде та же страна, но уже совершенно другая. Еще одна проблема была связана с преодолением устоявшегося стереотипа: считалось, что для того, чтобы составить мнение о СССР или России, достаточно побывать в Москве. Большинство журналистов и репортеров, которых направляют в Россию, едут в Москву, а оттуда в какую-то одну республику. То есть обозревают страну через одно окошко, и из этого же окошка шлют свои репортажи. Безусловно, это важное окно, но, если не выглянуть в другие, картина получится неполной. Я же считал необходимым увидеть всю страну и составить максимально объективное мнение. В процессе работы над книгой я не только решал задачи, связанные с конструкцией текста, с языком, но и боролся с историей, которая, будучи в постоянном движении, буквально ускользала из рук. Это путешествие было погоней за ней.

Я знал, что взялся писать серьезную вещь, что тема чрезвычайно важная. Это придавало сил и мобилизовало меня. В народе говорят: погибать, так с музыкой. Я понимал, что могу проиграть, что, вполне возможно, потерплю поражение, но все равно не оставлял попыток. Несмотря на короткие периоды сомнений в том, что я смогу написать эту книгу, встречавшиеся трудности только укрепляли во мне желание принять вызов.

«Республика Нова», № 7-8/1993

Я попал в мир, который плохо знал, и это меня смущало. На свете есть тысячи людей, отлично разбирающихся в СССР. А у меня во время путешествия возникало все больше и больше вопросов, и я чувствовал себя маленьким и беспомощным. Я знал, что не могу тягаться в эрудиции с профессиональными советологами, что в книге нет места для тщательного анализа сути происходящего. Однако важнее всего был мой собственный опыт. Я понял, что главным в том, что я напишу, будет подлинность переживаний и наблюдений; то, что только я там побывал, только я это видел и испытал.

«Газета Выборча», №19/1993

В процессе работы над книгой произошло нарушение равновесия между собранным материалом и собственно текстом. Я собрал материала более чем на три подобные книги, поэтому вынужден был отказываться даже от эпизодов, которые считал принципиально важными. Многие фрагменты путешествия я опустил. Нет в «Империи» ничего о прибалтийских республиках, в которых я побывал несколько раз, я не описал экспедиций в тайгу и тундру, очень мало говорится о Белоруссии и поездке в Молдавию.

По сути, в книге нет почти ничего и о голоде, о переселениях отдельных народов, а ведь это был один из основных способов формирования советского человека; не были подняты еврейский вопрос, проблема ответственности Советов за убийство 80 миллионов человек; отсутствует тема внутренней колонизации, а также Катыни.

«Газета Выборча», №19/1993

С самого начала я осознавал не только несовершенство книги, но и ее фрагментарность. «Империя» и так самая толстая из написанных мною книг, а мой писательский идеал

– краткость, синтез, афористичность. Если бы у меня было больше времени, наверное, я бы постоянно дополнял текст, включал наблюдения, почерпнутые из последующих поездок. Но в один прекрасный момент следовало остановиться и сдать книгу в печать в таком виде, в каком она есть. В наши дни книга о современном мире должна представлять собой открытый текст, первый том несуществующего цикла. Последующие тома история допишет сама, а их авторами будут совершенно разные люди. Необходимо смириться с тем, что мы публикуем незаконченные книги.

«Республика Нова», № 7-8/1993

Поездка длилась целый год. В это время в СССР уже господствовала *гласность*, открылись архивы, страну захлестнул поток сокрытой до сих пор информации. Вначале я пытался читать все подряд, но вскоре меня придавила эта лавина. С каждой неделей я все отчетливее понимал, что это бесполезно, что можно вникнуть только в какой-то определенный эпизод прошлого, что необходимо прекратить вчитываться в документы. Но жалко было бросать накопленный материал, поэтому я собирал бумаги, книги и, навьюченный как верблюд, ездил по Империи. Ездил с ощущением, что приобретенное знание парализует меня и что необходимо как можно быстрее начать писать, пока Империя не засосала меня целиком.

После августовского путча 1991 года и распада СССР началась новая эпоха. То, о чем я собирался написать, стремительно устаревало. Меня стало подгонять само время. К тому же я очень устал, силы мои были на исходе. Постоянная смена мест, климата, напряжение, непрерывная работа окончательно вымотали меня.

«Газета Выборча», № 19/1993

В России происходят сейчас колоссальные перемены. Я был в Москве и убедился: столица перестает играть центральную роль. Все чаще власть перенимают регионы, становясь более самостоятельными.

Нельзя воспринимать Россию только как страну, которая не в состоянии собрать собственный урожай, хотя так оно и есть, и еще долго так будет. Мы не замечаем, что в России начинается процесс развития экономической, финансовой, торговой экспансии, готовой – и способной – захлестнуть весь мир.

Россия – страна с очень примитивной экономикой, ориентированной исключительно на эксплуатацию природных богатств: угля, нефти, газа, дерева. Это очень напоминает латиноамериканскую модель, которая, правда, России не грозит.

Не думаю, что в России так уж много людей, которым действительно стало хуже жить. Если их поспрашивать, окажется, что, в принципе, непонятно, в чем конкретно стало хуже. Главное, по их мнению, что не стало лучше. Они разочарованы, поскольку видят, что сосед купил новую машину, а у них как не было ее, так и нет. Эти люди живут не хуже, чем при советской власти, но и не лучше. В целом же в России жизнь улучшилась. Например, исчезли очереди. В магазинах можно купить все, выбор даже больше, чем у нас. В московских магазинах, например, стоит сто различных моделей телевизоров, а в польских – 20-30. И это естественно: российский рынок для Запада более привлекателен, чем наш.

Если мы хотим представить новейшую историю России в самом сжатом виде, то достаточно вспомнить историю США на рубеже XIX-XX веков. Все это там уже было: нищета, глубокий экономический кризис, огромные состояния, заработанные на нелегальных операциях, зарождающаяся власть корпораций.

«Газета Выборча», №115/1996

Книгу я назвал «Империя», поскольку чувствовал, что имперские устремления российского госаппарата в стране доминируют. И чеченский опыт это подтверждает. Россия отказывает в самостоятельности малым народам, входящим в состав Федерации. В России до сих пор не пересмотрена сталинская политика по отношению к национальным меньшинствам, сутью которой всегда было силовое подавление любых попыток этих меньшинств самоопределиваться. И сейчас это не какой-то эпизод или отдельный случай, а последовательное продолжение данной линии политико-большевистской номенклатурой. Второй аспект чеченской проблемы связан с тем, что Россия уже долгое время находится в состоянии конфликта с миром ислама. Международное противостояние приобрело во время вторжения СССР в Афганистан. Нападение на Чечню – продолжение все той же авантюры. У этого конфликта прочная основа. С момента распада Советского Союза Россия не только перестала ощущать угрозу со стороны Запада, но выяснилось, что Запад готов оказать поддержку демократическим силам. Однако

из-за того, что прибалтийские республики, Украина и Белоруссия отделились, географический центр России сместился в сторону Азии, где возник новый очаг российских проблем. Там же появился опасный противник – приверженцы ислама. Чечня оказалась своеобразным форпостом, вторым, после Афганистана, центром экспансии ислама на Россию. И в этой войне России не победить. В настоящее время никто не может выиграть войну с исламом, поскольку ислам – религия, динамично развивающаяся на огромных территориях во всем мире; ее исповедует более миллиарда человек. Очень дисциплинированных и готовых на любые жертвы. Ислам владеет огромными экономическими (нефть) и политическими (в лице таких сильных государств, как Турция, Иран или Пакистан) ресурсами. Экспансию ислама силовыми методами Россия не остановит. Если Чечню и удастся покорить, то совсем ненадолго. Чеченский народ рождает особую категорию людей, которых практически невозможно уничтожить – мучеников. Согласно исламской традиции, за мучеников, отдавших жизнь за веру, необходимо мстить. Даже случайно одержав победу, Россия проиграет в войне с исламом.

В «Империи» я написал, что распад Советского Союза был первой фазой развала всей Империи. Сейчас наступает вторая фаза – распад Российской Федерации. И хотя исламские народы составляют всего 20% населения страны, уже четвертый год подряд число русских жителей неумолимо уменьшается.

Чеченский конфликт по-прежнему будет ослаблять Россию за счет роста там авторитарных тенденций, диктаторских элементов, призывающих к силовому решению вопроса.

«Глос Велькопольски», №7/1995

Я уделял много внимания языку. Поиск языкового ключа, поиск в словарях свежих, не затертых слов отнимает у меня львиную часть времени в работе над любой книгой. Когда люди, прочитав раздел из моей книги, ограничиваются обсуждением проблем, о которых я пишу, но не обращают внимания на язык, я воспринимаю это как личное поражение. Работая над концепцией «Империи», я изучал только что появившиеся материалы, а также читал историю русской философии, историю Церкви, православия, возвращался к классическим произведениям великих русских писателей, и эти тексты существенно повлияли на язык книги. Я всегда стараюсь писать просто и лаконично, без прилагательных,

однако в «Империи» фразу пришлось видоизменять, растягивать, чтобы как-то охватить столь огромную тему, рассказать о самых важных событиях, бескрайних пространствах и необъяснимой русской медлительности.

«Газета Выборча», №19/1993

В процессе работы я постоянно думал, как средствами репортажа описать буквально все изменившую вспышку истории. Постараться, ощущая ее воздействие на себе, охватить, насколько это возможно, весь процесс, что-то обобщить...

Раздробленную действительность описать сегодня легче всего с помощью краткой заметки в прессе или короткого телерепортажа. Но ведь человек всегда испытывал и испытывает желание уловить и зафиксировать некие общие законы, управляющие событиями, всегда стремится заглянуть в будущее и задает себе вопрос «что будет дальше?». А для того, чтобы на него ответить или хотя бы попытаться ответить, мы должны в этих общих законах разобраться. С такой проблемой сталкивается каждый, кто пишет о современном мире.

Я все время ощущал свою беспомощность. Материя непрестанно выскальзывала у меня из рук. Литературе проще исследовать стабильные состояния, великие мастера всегда описывали стабильное общество. Возьмем хотя бы «Будденброков» Томаса Манна: есть дом, в котором царят устоявшиеся обычаи, отношения между людьми понятны. Здесь не может произойти ничего необычного, не будет никаких сюрпризов. Автор садится и описывает бюргерский, обустроенный быт с присущей ему четкой иерархией. А в центре внимания писателя, рисующего картину современного мира, дурдом, в котором взбунтовались пациенты, вспыхнул пожар, подвалы затопило, и ситуация меняется каждые пять минут. Поэтому описывать настоящее очень трудно, хотя автора именно это больше всего искушает и привлекает. Безусловно, можно закрыть глаза на проблему и утверждать, что наша эпоха ничем не отличается от других, поскольку империи возникали и разрушались на протяжении всей мировой истории, можно отказаться от рассуждений на эту тему и заняться чем-то менее значимым. Однако мне кажется, что попытка запечатлеть момент вступления человечества в новую фазу развития, попытка доказать существование подобного феномена и описать его настолько важная и захватывающая, что этому стоит посвятить свое творчество.

«Республика Нова», № 7-8/1993

Перевод И. Киселевой